

— Наташа, если бы начали задавать вопросы не я, а Вы, и спросили бы меня, скажем, о своих стихах, и отвечать мне надо было бы spontанно и сразу, как и положено в интервью, то я ответила бы, поразмыслив: скорее всего, Ваши стихи характерны тем, что Вы (простите, если прозвучит черезчур) не забываете в финале последний гвоздь смысла в структуру построенного стиха. В Ваших стихах остаётся зов к продолжению, предложение дочувствовать, допережить, додумать... Это выражается и в форме — слов, обворванных на полувыдохе (как «Я вернусь, обязательно вер...» или в стихе о рыбаках («из мо...») и ведущих до поворота строф, и в особенности авторской интонации: не закончить точкой, увести, поманить, пригласить дальше...

И я добивала ещё, что Вашим стихам свойственен позитивный настрой, они обладают свежим молодым дыханием при созерцательном мудрых обобщениях. И за этим же свежим дыханием чудится мне что-то скрывающий подавленный вдох. Словно есть что-то там, за занавесью смысла, что-то трагическое, которое услышать дано, или Вы, как автор даёте — не каждому...

Или это и есть то самое Sapienti Sat?

А теперь разрешите вас спросить: зная Вас, как неутомимую «лягушку-путешественницу», расскажите, пожалуйста, как у Вас получается по многу раз облегать весь земной шар и с каким родом Вашей деятельности это связано?

— Скорее всего, это просто связано с характером — и немного с прихотями судьбы. Всё началось ещё в школе, когда я случайно выиграла конкурс на годовое обучение в Штатах. Когда человеку в 17 лет приходится отправляться совершенно одному на другой конец света на целый год — как в «чёрную дыру», то к дальнейшим передвижениям уже относишься с лёгкостью. Жива в Москве и потом, учась и работая в Оксфорде и Лондоне, я потихоньку «осваивала» Европу; а после жила в Австралии и на Востоке — и тоже исследовала близлежащие страны. В свои 35 лет я побывала уже более чем в 50 странах.

О моей профессии: должна признаться в вослед за небезызвестным героям Булгакова, что «я — консультант». Правда, не по чёрной магии, а по бизнесу (решать же, в чём разница, я предоставлю нашим читателям). Моя профессия действительно требует многочисленных поездок, — но особо я ей благодарна за то, что из-за неё я познакомилась со странами достаточно экзотическими, пожила там какое-то время, хорошо узнала людей — ведь с ними мне приходилось работать. Когда уходит налёт экзотики, то оказывается, что у всех людей много общего, где бы они ни жили. Так, я очень полюбила Кению, где, представьте, ездила на велосипеде, ходила по горам и даже с удовольствием посещала драматический театр. У меня был восхитительный проводник из племени Кикуйо: до сих пор вспоминаю

Интервью с Натальей Крофтс

наши беседы вечером у походного костра и поразительное понимание друг друга с полуслова. Из таких же ярких картин — мимолётная встреча со стареньkim сторожем одного из султанских дворцов в Индонезии. А мы ведь даже не говорили на одном языке! Просто в маленьком пустынном дворике я услышала, как человек сам себе читает нараспев Рамаяну — не подозревая, что у него появился слушатель. Оказывается, не одна я рассказываю сама себе вслух любви стихи — у меня есть собрат по духу где-то в глубинке острова Явы. О таких вот встречах я могла бы рассказывать бесконечно...

В общем-то этим и замечателен мир — в самых разных точках планеты живут дорогие мне люди, хотя, казалось бы, у нас всех очень разные жизни, разное прошлое. Раз в год я обязательно стараюсь навестить своих друзей на Украине, а два коренных американца уже много лет гордо представляют меня всем как свою дочку — хотя формально на это нет никаких оснований. И разные точки на земном шаре, будь то Генуя, Цюрих или Сингапур, вдруг начинают излучать тепло, потому что для меня они — логическое продолжение дорогих мне людей.

— Продолжая международную тему, хочу спросить вот что: знаю, что Вы много занимаетесь переводами. Казалось бы, работа поэта-переводчика — это углублённое погружение в язык оригинала для лучшего перевода его на русский. Не оказывается ли на деле, что оригинал служит только изысканным, неизменяемым (и потому необрабатываемым) листом с подстрочником, а вся углублённость по-прежнему достаётся родному русскому, в котором переводчик усиленно ищет эквиваленты, синонимы, детали? Что такое в самом деле работа поэта-переводчика?

— Для меня занятие переводом — и радость, и мучение одновременно. В Оксфорде мне посчастливилось пролистать курс лекций по переводу у писателя Умберто Эко. Особо замечателен был этот курс уникальным взглядом на перевод: взглядом «переводимого» автора, который отлично говорит на нескольких языках. Врезалась в память одна его фраза: «перевод — это процесс выбора». Действительно, точных эквивалентов почти нет, вот и приходится постоянно решать, что важнее в данном тексте — и, как ни больно, жертвовать остальным. Автору легче: он-то знает, что в тексте — важно, а что — случайно, второстепенно. А переводчику приходится решать, угадывать. И хорошо, когда можно спросить у живого автора — но, как правило, такой возможности нет. Из-за этого, конечно, процесс мучителен — особенно при переводе поэзии. И чем лучше понимаешь язык оригинала, культурные нюансы и отсылки, тем больше сам осознаёшь, скольким приходится жертвовать. Иногда я чувствую, что просто не в силах жертвовать ничем — и несколько раз оставляла попытки переводов самых любимых стихов. Но иногда вдруг получается перевести, не растеряв почти ничего: так при переводе песни «Зима» замечательного итальянского барда Фабрицио де Андре удалось очень точно перевести текст оригинала и сохранить ритм, что для песни очень важно. Или, например, я ужасно люблю переводить весёлые стишкы: крокодилы, но миных Гарри Грэма и Хизера Бэллока; восхитительного Огдена Нэша, играющего, как малышка, английским языком; ироничную и чуть грустную Венди Коуп. Когда я работаю с их текстами, часто переводы выстраиваются сами собой, порой просто в голове, где-то на бегу — остаётся только записать и чуть подполировать. Такие случаи, конечно, — огромная радость.

— Умберто Эко в «Маятнике Фуко» устами своей героини утверждает, что

все людские убеждения, верные или неверные, а также и предрассудки, удобно предусмотрены и обусловлены нашей же собственной психикой и первичной системой, и что в каком-то смысле ответы заранее существуют для того, чтобы к ним правильно подобрать вопросы (я не цитирую, а стараюсь по-своему передать мойе понимание определённой части книги). Наш обыденный земной счёт и десятичная система логично простираются из того, что на руках у нас десять пальцев. Музыка и поэзия не поддаются десятичной системе, хотя тоже являются абсолютно земным продуктом — творчеством земли, никого другого. Знаете ли вы законы, земного или неземного тяготения, по которым возникают стихи?

— Нет, не знаю. Не знаю, универсальны ли эти законы — или у каждого свои. Помните, у великого Ивана Елагина есть на эту тему строки:

Попробуйте взмнуться —
По-разному отмечены:
Тот пишет кровью сердца,
А этот — желчью печени...

Пожалуй, могу только сказать, что те стихи, которые мне нравятся больше, пришли сначала «картинками»: я до сих пор вижу молодого безусого парня в каске, лежащего в окопе — а мимо, гонимый ветром по земле, пролетает газетный листок. Это было моя «Троя». Или красные следы крови на снегу — как когда кого-то тащат волоком. Это было «Ностальгическое». Или фигуру янычара на коне — видеть снизу, как если ты стоишь рядом на земле... «Я вернусь».

Я читала, что у нескольких поэтов шли такие же «картинки» — но, наверное, у всех по-разному. Мне очень нравятся поиски этих «законов появления стихов» у замечательного русского поэта Ефима Бершина — в нашем с ним интервью, напечатанном в «Интеллигенте». Спб в октябре 2011 г. Если кому-то интересно вместе с Ефимом Львовичем ещё раз подумать над этим вопросом — очень рекомендую прочитать.

— Вы участвовали в различных поэтических конкурсах, занимали призовые места. Скажите, что на Ваш взгляд в этих нематериальных соревнованиях является типичным, а что нет?

— «Типичным» для меня является то, что конкурсы — да и любые публикации — заставляют вас ещё раз критически пересмотреть какие-то свои стихи, иногда улучшить их, потому что приходится ещё раз строго спрашивать себя: а я был стал такое читать, слушать или публиковать? Это всегда очень полезно.

Но, если честно, мне не очень нравится, что слово «соревнование» как-то подозрительно близко связано со словом «ревнность», а, стало быть, со злостью и ущемлённым самолюбием. В конце концов, любые оценки, суждения, места в поэзии — вещь весьма субъективная. Кто-то первое место присудит ананасу — потому, что он экзотичный и сочный, а кто-то — лимону, потому что без него просто-таки невозможно пить чай. А кто-то выберет малину — потому что именно такая росла у бабушки на даче и осталась самым сладким воспоминанием детства. И что теперь, обижаться?

Слово «конкурс» лучше, конечно: это просто «совместный бег». Помните, как бегали в догонялки две замечательные русские девочки, приехавшие на Эм. Либу — мы рассказывали об этом в ноябрьском выпуске «Интеллигента». Спб 2011 года. История умалчивает, кто из них бежал быстрее — но на фото видно, что им весело и хорошо, что они ужасно рады встрече. Вот ради этого и стоит ездить на фестивали: ради общения.

Продолжить знакомство с различными гранями творчества Н. Крофтс можно на её авторском сайте: www.artkavun.kherson.ua/natalya_crofts.htm

Майя ШВАРЦМАН

***
На развалинах Трои лежу, недвижим,
в ожиданье последней ахейской атаки.
Ю. Левитанский

На развалинах Трои лежу
в ожиданье последней атаки.
Закурю папироску.
Опять за душой ни гроша.
Боже правый, как тихо.
И только завывали собаки
да газетный листок
на просохшем ветру прошуршал.
Может — «Тайм», может — «Правда».
Уже разбирать неохота.
На развалинах Трои лежу.
Ожиданье. Пехота.
Где-то там Пенелопа.
А может, Кассандра... А может...
Может, кто-нибудь мудрый однажды
за нас подытожит,
всё запишет, поймёт —
и потреплет меня по плечу.
А пока я плачу.
За себя. За атаку на Трою.
За потомков моих —
тех, что Трою когда-то отстроят,
и за тех, что опять её с грязью смешают,
и тех,
что возьмут на себя
этот страшный, чудовищный грех —
и пошлют умирать — нас.
И вас... Как курёнка — на вертел.

Над вечным покоем

Выйдешь на берег —
неслышино, как тень, молчаливо.
Станешь молиться
отчаянно, истово, вслух.
Снова кругом половодья —
и снова разливы
будут безбожно терзать
беззащитный мой дух.

Двух не бывает смертей? —
Всюду смерти и войны.
Глух — говорят —
к вопиющему пастьрь небес.
Бес — говорят —
он попутает, будьте покойны!
...Берег. Рассвет.
И над плёсом колышется лес...

Теория относительности

На далёких планетах —
шуршание диких ветров,
ручейки не-текущие,
радуги странного цвета.
Это так далеко —
на чужих, инородных планетах,
где живут по законам
для нас непонятных миров.

Там, наверное, любят.
И плачут, и пишут стихи.
От страсти сотрясаются оси
и души — в ожогах.
...А отсюда нам кажется:
звёзды спокойно-тихи.
Только мы, на Земле,
захлебнулись в слезах и тревогах.

***
Ахейские затихли голоса,
Но те же речи повторяются снова.
Банальная незыблемая основа:
«Аптека. Ночь — и света полоса».

Всё так же беззаботен почтальон,
Способствуя обману и обмену.
И снова уведут твою Елену.
Не за моря — в другой микрорайон.

Всё так же веселит Мадам Клико,
А ось трясут периоды исходов.
Меняются модели пароходов,
Но до Итаки так же далеко.

И снова мы бредём по пустырям,
Ослепшие — до одури — Гомеры.
Всё те же ритмы, рифмы и размеры
Гоняя по неведомым морям...